

Тридцать сил бушевали в теле Лу Минфэна, сталкиваясь друг с другом. Вскоре из его семи отверстий хлынула кровь, а хрупкое Золотое ядро не выдержало мощного давления и взорвалось.

С потерей силы Лу Минфэн беспомощно рухнул на землю, но Хуа Чэ не собирался его щадить. Он извлёк Духовную душу Лу Минфэна и раздавил её, лишив его возможности переродиться.

Лу Минфэн, лежа на земле, судорожно дёргался.

— Ты... предал учителя... думаешь... я умру... а ты... будешь счастлив...

— Счастлив ли я, пока неизвестно, но ты скоро умрёшь, — холодно произнёс Хуа Чэ, его глаза сверкали жестокостью. — На пути в загробный мир ты не будешь один, я сразу отправлю твоего сына вслед за тобой!

Услышав это, Лу Минфэн не испугался, а лишь зловеще усмехнулся.

— Да? Я говорю, ты не посмеешь убить его!

— Только что я наложил на Лу Яо заклинание, принеся в жертву свою Духовную душу, чтобы проклясть вас двоих на совместную жизнь, — с трудом поднявшись, Лу Минфэн ядовито посмотрел на Хуа Чэ. — Если он умрёт, умрёшь и ты. Если умрёшь ты, он выживет!

Хуа Чэ дрожал, а Лу Минфэн громко смеялся.

— Убей меня, но моя кровь останется в этом мире! Ха-ха-ха-ха, победа за мной, я вечен!!

С этими словами Лу Минфэн испустил дух.

В ярости Хуа Чэ наложил проклятие, уничтожив тело Лу Минфэна до последней кости.

Он долго сражался с Лу Минфэном, но почему-то ученики Секты Шанцин не вмешивались. Лишь почувствовав сильный запах крови, он понял, что что-то не так. Небо стало кроваво-красным, и холодная луна висела высоко, вызывая у Хуа Чэ дурное предчувствие.

Он взлетел на мече к главному залу Секты Шанцин и, взглянув сверху, остолбенел.

Повсюду лежали тела!

Руины и разрушения, величественные дворцы превратились в руины. Ученики в форме Секты Шанцин лежали повсюду: на земле, на деревьях, плавали в озере...

Всё вокруг было залито кровью, запах был невыносим.

— Инь Ухуэй! — Хуа Чэ увидел виновника, того кровожадного демона, стоящего на горе трупов и безумно смеющегося.

— Конец пришёл! Ха-ха-ха, конец великой Секты Шанцин! Сын мой, эти ничтожества столько раз унижали тебя, клеветали на тебя! Я отомстил за тебя, уничтожил восемь тысяч учеников Секты Шанцин, ты счастлив?

Сердце Хуа Чэ сжалось от боли. Он хотел убить только Лу Минфэна и его сына, но не желал уничтожать Секту Шанцин, а уж тем более все школы Пути Бессмертных.

Хуа Чэ выхватил Цзифэн и направил его в лоб Инь Ухуэя.

— Ты сумасшедший!

— Я убил только пять тысяч, осталось ещё три! — Инь Ухуэй отступил. — Что, сын мой, не хочешь убивать? Ладно, пяти тысяч хватит, если ты не хочешь, я остановлюсь.

Инь Ухуэй превратился в клубок демонического тумана и исчез.

Пронзительный плач раздался в воздухе, ударив по ушам Хуа Чэ.

Весь в крови, Лу Яо шатаясь шёл вперёд. Его глаза были сухими от слёз, голос сорван. Он переступал через трупы, безумно размахивая мечом Ланьюэ.

Наконец, он споткнулся и упал прямо перед Хуа Чэ.

Лу Яо выплюнул кровь, медленно поднял голову, и в его глазах была лишь ледяная ненависть.

— Хуа Цинкун! Если ты не убьёшь меня сегодня, я однажды изрежу тебя на куски и развею твой прах!

С тех пор имя Хуа Чэ было окончательно запятнано.

Предатель учителя, безумец, убивший пять тысяч учеников Секты Шанцин.

Первое он признал, но второе было лишь вмешательством Инь Ухуэя!

Хуа Чэ пытался оправдаться, некоторые не верили, другие верили, но те, кто верил, говорили:

— Даже если это сделал не ты, а Инь Ухуэй, что с того? Отцовские грехи ложатся на сына, ты должен заплатить жизнью!

Хуа Чэ горько усмехнулся.

Раньше он хотел всеми силами объяснить, доказать свою невиновность.

Теперь он больше ничего не хотел говорить.

Да, что бы ты ни делал, даже если ты ничего не сделал, если ты сын Инь Ухуэя, ты уже виновен!

Они не могли справиться с Владыкой Демонов Инь Ухуэем, поэтому решили наказать его сына!

Много лет спустя он, как и ожидалось, встал на путь демонов и стал Владыкой Демонов.

В первый день, когда он привёл Чу Бинхуаня в Чертог Сжигающий Чувства, они всю ночь смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Лишь на рассвете Хуа Чэ хрипло произнёс:

— Ледяной, мы всё же идём разными путями.

Чу Бинхуань вдруг улыбнулся, с насмешкой в уголках губ, и достал из кармана красный лист бумаги.

— Сам посмотри.

Хуа Чэ замешкался, машинально взял бумагу и, развернув её, остолбенел.

Чу Бинхуань с улыбкой произнёс:

— Здесь есть знак старших и твоя подпись. Мы провели ночь в Долине Ясной Луны, давали клятвы, а теперь ты отказываешься?

Хуа Чэ остолбенел:

— О чём ты...

— Если ты не войдёшь в тройку лучших, мы немедленно поженимся.

Сердце Хуа Чэ ёкнуло.

— Если любовь истинна, она не зависит от времени.

Хуа Чэ вздрогнул, изо рта хлынула кровь.

Окружающий пейзаж и Чу Бинхуань растворились в воздухе. Хуа Чэ инстинктивно схватил красный лист бумаги, но в руках он превратился в пепел.

Хуа Чэ не знал, смеяться ему или плакать.

Не ожидал, что это свадебное письмо окажет на него такое сильное влияние, что вытащит его из иллюзий.

Прошлая жизнь была ужасна, но, к счастью, он возродился.

Хуа Чэ выхватил Цзифэн и с силой взмахнул им, рассекая туман и открывая прямой путь.

Он шагнул вперёд, и перед ним открылся ясный свет.

Старейшина Цяньян, стоящий у выхода из иллюзий, громко объявил:

— Ученик Чертога Линсяо Хуа Чэ, именуемый Цинкун, преодолел иллюзии за два дня три часа и время, необходимое для сжигания одной благовонии!

Чжуан Тянь, то возжигая благовония, то молясь предкам, нервно ходил туда-сюда перед залом Секты Шанцин, посещая уборную десятки раз. Услышав объявление Старейшины Цяньяна, он остолбенел, и лишь благодаря Се Ваньтину, который вовремя его подтолкнул, он пришёл в себя.

— Он... вышел!? — Чжуан Тянь подпрыгнул от радости. — Мой ученик вышел, ха-ха-ха!

Он с энтузиазмом толкал соседей, спеша похвастаться:

— Это мой ученик, ученик Чертога Линсяо! Не перепутайте, это он, в красной одежде.

Главы других сект обратили внимание. Они уже слышали о молодом таланте из Чертога Линсяо. Когда Турнир Десяти Тысяч Сект начался, десятки тысяч практикующих стояли на

Помосте Шанцин, и было трудно разглядеть, кто есть кто. Теперь же они могли рассмотреть его поближе.

Юноше было семнадцать, он был одет в гранатово-красный халат с перекрещенным воротом, его волосы были стянуты чёрной лентой, лицо было красивым и изящным, а фигура стройной. Его глаза, напоминающие феникса, излучали очарование. В руках он держал меч, который не казался холодным и устрашающим, а, напротив, излучал мягкую и сдержанную ауру, вызывая восхищение.

Чу Чанфэн:

— Этот дух-инструмент...

Му Цинянь:

— Он необычен. По моему мнению, его мощь не уступает Тинцюаню из Юньтянь Шуйцзин.

Му Цинянь был прямолинеен, и его слова звучали как пренебрежение к Юньтянь Шуйцзин, ведь Тинцюань был их сокровищем, и ни один из предыдущих глав секты не смог его извлечь.

Неудивительно, что Му Цинянь получил презрительный взгляд от Мэй Цайлянь.

Се Ваньтин, посмотрев некоторое время, сказал:

— По-моему, он похож на Ланьюэ Лу Яо.

Му Цинянь внезапно понял:

— Ты прав.

Се Ваньтин продолжил:

— Говорят, что в древности был один легендарный инструмент, который со временем разделился на два меча, разбросанных по миру. Они были одного корня, но оказались в разных местах.

— Цифэн и Ланьюэ, — добавил Чу Чанфэн. — Ланьюэ находится в Секте Шанцин, его передал Лу Яо глава секты. А другой... возможно, это тот, что в руках Хуа Цинкуна?

Се Ваньтин улыбнулся:

— Если это так, то у этого юноши великое будущее. Усердно тренируясь, он однажды сможет преодолеть небесные испытания и вознестись.

<http://bllate.org/book/15412/1362952>